

В марте 53-го 89-я Армянская Таманская дивизия участвовала в окружных маневрах где-то в районе Нахиджевана. Сюда и пришла весть о кончине "отца всех народов".

Гайк АЙРАПЕТЯН

В Кремль сразу же полетели сотни верноподанных телеграмм. Только не было среди них зоблезнования комдива Асканаза Карапетяна. Генерал-майора срочно вызвали в столицу — его судьба была предрешена. Так и ушли в запас отважного фронтовика с Золотой звездой героя на груди. Через годы, когда ругать Сталина стало модным, пробивной московский журналист нашел Асканаза Карапетяна. В гостинице Центрального дома армии он убеждал генерала в героичности его поступка — такая же смелость не откликнуться на смерть тирана!

— Я верой и правдой служил Отчизне и народу моему, но никак не личностям. Честь имею!

Этот лаконичный ответ верного служаки Рудольф Бершадский довел до всех россиян...

89-й Армянской Таманской стрелковой дважды Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии на комдивов исключительно "везло". Генерал Нвер Сафарян принял дивизию в тяжком 43-м на Северном Кавказе. Тогда же он обещал соотечественникам: "До Карса, Эрзрума, Вана не знаю, но до Берлина доведу!" Комдив свое обещание выполнил. Единственными из национальных воинских соединений таманцы праздновали разгром фашизма на площади перед рейхстагом. Звучала армянская музыка, солдаты и офицеры плясали "Кочари". Когда же сорокалетний генерал вернулся с дивизией в Ереван, ему предложили... уйти в запас. Такова была в те годы плата за популярность. Ведь народ слагал песни о Сафаряне без надлежащего указания верхов. Да и потом: мавр сделал свое дело, мавр должен...

Комдивом стал генерал-майор Гайк Мартиросян, прошедший Великую Отечественную от звонка до звонка. Через два года ему предложили командование армейским корпусом, дислоцированным в Степанакерте. Меж тем верха уж точно знали, что в скором времени этот самый корпус будет расформирован...

И вот солдатский телеграф сообщил о прибытии нового комдива. В отличие от предшественников его генеральский мундир украшала звезда Героя. Пошли расспросы: кто таков, каких корней, чем отличился? Кто-то из старших офицеров вспомнил про совместную службу. Кто-то про то, как семнадцать лет от роду Асканаз Карапетян взял в руки оружие, чтобы защитить родной Сурб Мер от турок. Кстати, тот исконно армянский городок, название которого в наши дни и в центре столицы парадоксальным образом приняло отуреченное звучание — Сурмалу. Стоит ли удивляться, если вдруг завтра в Ереване появится площадь Энвера паши? Да мало ли...

Как бы то ни было, но 11-й Армянский пехотный полк Александра Мириманова стал родной семьей юного Асканаза Карапетяна. Через два месяца ему доверили самое мощное по тем временам оружие пехотинца — пулемет Максима. А весил "Максим" без малого 65 килограммов. Однако молодой боец не унывал и на неподъемность вверенного ему оружия не жаловался. Под Сардарпатом стоял насмерть. И дальше служить продолжал. Остался в военном строю и когда Первая Республика уступила власть Советам. Окончил командную школу имени Мясникяна. По служебной лесенке поднимался, через ступеньки не перепрыгивая. Взвод, рота, батальон... Перед расформированием той старой Армянской дивизии ему доверили полк. Направили в Западную Украину освобождать ее от поляков. А на самой границе Асканаза Карапетяна застала война. Под Брестом был окружен фашистами, но сумел-таки прорваться, сохранив и знамя, и личный состав. Отступал со своим стрелковым полком до Сталинграда.

Дальше как и под Сардарпатом отступать было нельзя. Асканаз Карапетян знал: в Сталинграде решается и судьба Армении. Отборные дивизии 3-й полевой армии турок ждали удобного момента, чтобы перейти Аракс да раз и навсегда решить этот проклятый армянский вопрос...

Пройдут годы. Легендарный маршал Василий Чуйков вспомнит своего отважного командира полка и напишет: "Обходя позиции передовых полков, я просил их командиров держаться, держаться и еще раз держаться. Полковник Асканаз Карапетян, чей полк был расположен на самом переднем крае, заверил, что отстоит свои позиции. Я поверил ему и не ошибся. На таких командирах лежала

судьба не Сталинграда, судьба Отечества. Слава им — и живым, и мертвым!"

Довелось Карапетяну служить в те годы под началом комдива, о котором офицеры звали — "из Арбатского военного округа". Подобных начальников, которые в самые тяжкие для страны дни прятались за чужими спинами, а объявлялись при переломе на фронте и раздаче наград да чинов, хватало и на войне. Этот генерал, явно завидуя заслугам своего заместителя Карапетяна, решил действовать по принципу: где хорошо — я сам, где плохо — мой зам. В их конфликте разбирался лично Василий Чуйков. Принял доклад комдива, затем уединился с замом да сказал ему: "Вот что, Айастан (так он называл Асканаза Карапетяна), впереди Милитополь. Не приказываю, а предлагаю взять его. Обещаю Золотую Звезду на грудь и лампасы на штаны! Если не возьмешь, то потеряешь не только папаху, но и голову!..."

Не одну ночь полковник проползал по переднему краю обороны немцев, прощупал его метр за метром. И нашел-таки искомую брешь. На левом фланге немцы вывели свою дивизию во второй эшелон для отдыха, заменив ее румынской. Появление румын, которые еще не успели разобраться в обстановке, Карапетян расценил улыбкой военной фортуны. Недаром же великий Суворов говорил про то, что без везения на войне делать нечего. Так что оставалось подкрепить выпавший шанс опытом единоборства с лучшей армией мира. Вот и собрал пол-

ковник все разведроты дивизии да молча повел их ночью за собой. Вражеские часовые были сняты без шума, и Милитополь отвоювали.

Командарм Чуйков слов на ветер не бросал, и уже генерал-майор Асканаз Карапетян возглавил дивизию вместо смещенного "арбатца". Войну же закончил на западе Австрии.

Когда отгремели последние бои, решил не отсыпаться, отдохнуть да безбедно пребывать за счет бывших наград. Пошел учиться в академию — подкрепить теоретическими познаниями практику, которой у него с лихвой хватило бы на десять генералов. На одной из лекций молодежавый генерал-преподаватель принял за разбирать вошедшую в анналы

Судьба комдива

"...Армянин любит видеть своих командиров на передней линии огня, лицом к лицу со смертью. И это его требование справедливо. Для него самая чудовищная нелепость — трусливый, своекорыстный, переживающий лишь за собственную шкуру военачальник. Также хорошо знает армянин, что погоны и чин весьма часто не соответствуют душевным силам и возможностям своего носителя. Сокол тоже птица, но не каждая птица сокол..."

Гарегин НЖДЕ

военной истории милитопольскую операцию. К его немалому изумлению, аудитория вдруг подняла и стала качать на руках одного из "студентов". Узнав, в чем дело, лектор тут же уступил трибуну истинному творцу той победы. Но Асканаз Карапетян от "преподавательства" отказался. Мол, говорить он не мастак, вот узнать анализ его действий со стороны военных историков и теоретиков всегда рад.

После окончания учебы ему предложили командование стрелковым корпусом. Но тут из Еревана пришла депеша — должность командира Армянской дивизии освобождается, приезжай. Как быть? Десять лет он был вдали от родных мест, скучал по Армении — сил нет. Но и отказаться от предложения Василия Чуйкова, который к тому времени стал командующим Киевским военным округом, также непорочно. Все же решился и отправился на служебную дачу "крестного". После четвертого или пятого бокала осмелел.

— Василий Иванович, благодарю за огромное доверие, но... душа в Армению тянет. Простите, пожалуйста...

Свирепый генерал армии кроет его трехкратным матом. А вперемежку с бранью встречаются и вполне цензурные слова:

— Дурак ты, Асканаз! ...Менять корпус на дивизию могут только... Ты пойми, что через месяц-другой еще одна звезда появится на погонах... Ты...

Асканаз Карапетян отшучивается:

— У меня уже две звезды: одна — на погонах, другая — на груди. Вполне хватит...

Еще долго бушевал Василий Чуйков, но просьбе все же внял.

— Иди с Богом и пеняй на себя!..

И вот он в Ереване. Первое знакомство с личным составом дивизии явно не в его пользу. Бывший комдив Гайк Мартиросян — высокий, стройный, видный мужчина. Он же — чуть выше среднего роста, лохматый, сильно бровастый. Когда он опускал большую голову, брови совсем завешивали ему глаза. Как оказалось, он специально прятал глаза, дабы раньше времени не показать свою мягкость и доброту. А вскоре произошел случай, который высветил сущность нового комдива. И автор этих строк благодарен судьбе за то, что стал свидетелем этого "просветления".

400-й стрелковый полк Армянской дивизии располагался в центре Еревана (напротив театра имени Сундукяна), и местные жители по праву называли его "столичным". Я уже несколько месяцев проходил здесь службу, готовя к окружным соревнованиям фехтовальщиков из так называемой спортивной роты. И хотя был приказ о том, чтобы спортсменов в наряд не назначать и не посылать на работы, командир полка Мушег Карапетян считал нас бездельниками и через день отправлял на дежурство. Лично я особо жаловаться на него не мог, ибо он был родным братом моей матери.

В тот памятный день я дежурил по полку. Встретил утром дядю-командира, отрапортовал как полагается. Через час-два прибыл комдив, который, приняв мой рапорт, пристально глянул на меня и сказал:

— После дежурства зайдите ко мне. Будет серьезный разговор.

Я сразу же подумал, что вслед за бывшим комдивом и новый начнет приставать к моей бороде. Дело в том, что я единственный во всей дивизии носил пышную окладистую бороду. И, естественно, принимал обдумывать варианты сохранения многострадальной шевелюры. Однако только я успел войти в комнату дежурного по полку, как раздался тревожный звонок из КПП. Бегу к "пропускной". Там генерал-лейтенант распоследними словами кроет всех и вся. Подаю команду: "Полк, смирно!" Выхватив клинок из ножен и чеканя шаг, направляюсь к нему и звонко, как учили, начинаю доклад.

Однако высший чин обрывает меня на полуслове:

— Ты, мать твою... разбойник с большой дороги... не офицер, а бородатый дашнак... мать твою...

Много я видел хамства за свою службу, такого еще не встречалось. Да и сам не из таких, чтобы оскорбления переносить. Медленно поднимаю опущенный, согласно уставу, клинок, чтобы с размаху срубить этого сквернословца... Благо зычный голос комполка отрезвляюще прогремел под ухом: "Остановись, безумец!" Не принял генерал-лейтенант доклада и от подоспевшего как нельзя кстати полковника Карапетяна. Вместо этого направился к штабу полка. У здания армейский художник-самоучка Арарат Гарибян рисовал портреты верных сынов Армении и России. С одной стороны его "вернисажа" красовались Ованн Хутеци, Вардан Мамиконян, Геворг Марзпетуни, Давид Бек. А напротив располагались Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов, Багратион...

Генерал-лейтенант недолго созерцал картины и вновь вскипел:

— На правой стороне знакомые лица, а на левой?! По какому праву эти бородатые дашнаки оказались здесь, мать вашу... Дармоеды, не военные...

Комполка попытался было объяснить. Но генерал и не думал слушать:

— Молчать! Командира дивизии ко мне! Бегом!..

А комдив и сам в это время направлялся к нам. Он медленно, с достоинством приблизился и хотел отрапортовать. Но и ему не было разрешено даже рот открыть.

— Не дивизия, а бардак, армянский бардак, даш-

наки, мать вашу...

Тогда Асканаз Карапетян, еле сдерживаясь, обрattился ко мне:

— Товарищ старший лейтенант Айрапетян, выдворите этого хама за пределы нашей части! Выполняйте ваши служебные обязанности!

Лучше приказа я в жизни не слышал! Выхватив из нагрудного кармана положенный по уставу свиток, со всей силы дунул в него. До прибытия караульных генерал-лейтенант продолжал буйствовать:

— Командир дивизии — Карапетян, командир полка — Карапетян, дежурный по полку — Карапетян... это не армия — сброд... бардак, армянский бардак!

Я командовал караульным, и солдаты, примкнув штыки, радостно пошли на генерала. Еще бы! Ведь не каждый же день начальника такого ранга выдворяют из полка.

Лишь когда хама прогнали, комдив заметил, что это был не кто иной, а новый командующий армией Черекманов, который только позавчера сменил Якова Крейзера...

Все разошлись. Я направился в дежурку. Руки дрожат, все успокоиться не могу. Пришел на мой "боевой пост" старшина сверхсрочной службы дядя Арташ. И солдаты, и офицеры так величали завсеголовой, который должность свою занимал аж в годы Первой Республики. Он-то уж точно знал, что делать. Положил на стол две фляги:

— Употрeби, сынок, легче станет.

Только я наполовину опорожнил емкость с крепчайшей кизиловой водкой, как прибежал посыльный — комполка вызывает.

Вылил на китель полфлакона одеколона "Шипр" и пошел по вызову.

Оказалось, всех троих срочно требуют в ЦК...

В кабинете первого секретаря Григора Арутюняна уже сидели начальник штаба армии Глonti, член военного совета Ганиев и сам "выдворенный" командарм. Начал разбирательство первый секретарь, который по совместительству занимал и должность члена военного совета Закавказского округа:

— Если не ошибаюсь, великий Суворов перед принятием важных решений собирал высший командный состав и первым представлял слово младшему по чину и возрасту. Не будем нарушать традиции. Товарищ старший лейтенант, вам слово. Пожалуйста, кацо.

Я встал, по привычке щелкнул каблуками:

— Товарищ первый секретарь коммунистической партии, в скобках — большевиков...

Григор Арутюнян расхохотался:

— Давай, кацо, без скобок...

Волнуясь, я коротко пересказал суть дела. Меня отпустили. Минут через десять в приемной появился "отрапортовавшийся" Мушег Карапетян. Полковник позвонил домой и попросил супругу накрыть стол на троих...

Наконец вышел генерал и с ходу приказал:

— За мной, вояки!

Пока ехали, генерал рассказал, что нового командарма на днях уберут. Генералы Ганиев и Глonti подлили "своего масла" к нашему инциденту. Так что пора бы обмыть победу...

— Приказ отдан, едем ко мне, — мгновенно среагировал комполка...

О поступке нового комдива, не "постеснявшегося" прогнать командарма, узнала вся Таманская. Надо ли говорить, что испытывали солдаты и офицеры дивизии...

Но мог ли бородатый старлей предугадать, что через годы ему выпадет честь командовать тем самым полком, с которым Асканаз Карапетян прорывался из окружения, отступал и стоял насмерть под Сталинградом? На все полковые праздники мы приглашали бывшего командира. Только он обычно не был щедр на рассказы о себе и той большой войне, которую по праву называют Великой Отечественной.